
Что бывает
когда вампиру
становиться скучно?
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
Virael de la Fer
18+

Virael de la Fer

Что бывает, когда вампиру становится скучно?

«Автор»
2026

de la Fer V.

Что бывает, когда вампиру становится скучно? / V. de la Fer — «Автор», 2026

Юной вампирелле Нике было скучно. И чтобы развеяться и совсем не помереть от скуки, она направилась в резиденцию знакомых инквизиторов и борцов с нечистью, замаскированную под байк и рок-клуб. Ведь еще ее наставник говорил - там, где инквизиторы, скучно не бывает по определению. В прочем Ника знала это и так...

© de la Fer V., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Добро пожаловать в "Железный Клык"! 5
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Что бывает, когда вампиру становится скучно?

Глава 1. Добро пожаловать в "Железный Клык"!

Кислотно-жёлтое такси с визгом затормозило возле высокого бордюра, окатив тротуар веером ледяной кашицы. Ника выскочила наружу, хлопнув дверью и подняв воротник своей кожаной куртки вверх. А также мгновенно пожалев о выборе одежды. Воротник против здешнего ветра — всё равно что презерватив против цунами: технически защита есть, но рассчитана она совсем на другое.

Сегодня Глазго выдал ноябрьскую классику: смесь дождя и снега. И эта сырая серая взвесь, в которой морось смешивалась с заводским смогом и липла к коже, словно чужая наглая рука, что лезет под юбку. А ветер, третий участник этого ансамбля, трепал волосы так, будто она ему должна, одновремнно хлопая полами куртки и залезал в рукава. В общем, вёл себя как пьяный гость на свадьбе, решивший облапать невесту.

На секунду ее мысли унеслись в другое место — туда, где такая погода считалась нормой. Там сырость была не врагом, а привычным фоном, почти родственником. Там даже шутили: «В Библии дождь шёл сорок дней и сорок ночей, и это назвали потопом. А у нас это просто лето».

Ей вдруг стало странно на удивление спокойно от посетившей в голову мысли: Когда-нибудь просто бросить всё и слетать туда на пару дней. Постоит под этим знакомым дождём, смешанным с солнечным светом из разрывов облаков. Не ругаясь, а приветствуя его как старого друга. Правда сейчас ей было не до ностальгии. Сейчас нужно было не превратиться в сосульку стоя прямо на тротуаре.

Она направилась напрямик к трёхэтажному кирпичному зданию, даже не взглянув на таксиста, который так и сидел вцепившись в руль, застыв и глядя в пустоту. Здание выглядело тяжёлым и угрюмым, будто его специально построили так, чтобы прохожим становилось не по себе. Толстый кирпич, шершавый от сажи и возраста, напоминал броню. В подвале здания прятался «Железный Клык». Там пахло железом, табаком, пивом и роком, и ещё той особой напряжённостью, которая всегда висит в местах, где люди и нелюди решают дела без лишней бумажной волокиты.

А уже над баром, этаж за этажом, тянулись отделы Инквизиции: кабинеты с одинаковыми столами, одинаковыми стульями и одинаковыми папками, которые, впрочем, большую часть времени стояли пустыми. Ника прекрасно знала, что "инки" предпочитают решать всё в Клыке — в гуле голосов и запахе виски, где тон голоса и тяжесть взгляда заменяют протоколы. А верхние этажи держали скорее для вида: мол, смотрите, мы серьёзная организация. Настоящая серьёзность проявлялась в том, как резко обрывались разговоры, стоило Солу, главе местного отделения, поднять руку для всеобщего внимания.

У входа в «Железный Клык», прислонившись к тяжёлой каменной кладке, высился массивный силуэт Дункана. Метр девяносто шесть, рыжая борода и плечи "косая сажень": с такой комплекцией в Глазго обычно выбирают между вышибалой и байкером. Дункан умудрился совместить оба направления. Он стоял в байкерской куртке поверх футболки с логотипом какой-то древней рок-группы, будто знаменитые «прелести» местной погоды были для него не страшнее, чем укуса комара для слона.

Он лениво проводил взглядом наконец стартовавшее и уезжающее такси, только только переведя взгляд на подошедшую девушку, изогнул густую бровь в легком изумлении — как человек, который застукал пьяную шлюху, развалившуюся поперёк его мотоцикла: не столько в ярости, сколько в усталом изумлении. Ну вот, опять. И что мне с этим делать?

Уличный фонарь поймал серебряный отблеск значка инквизитора на его груди.

— На такси, Ни? — ухмыльнулся он. — Что стряслось? Крылья в химчистке, нимб на подзарядке, а метла опять в чулане, где ей и место? Говорят в этом веке, она лучше метёт, чем летает. И что ты сделала с бедным водилой? А, главное, зачем?

Ника остановившись в паре шагов от Дункана, нарочито игнорируя тяжёлую «святую» ауру, которая катилась от него волнами. Любой другой вампир ощутил бы её как удар электрошокером. Она же, наоборот, грелась в этом тепле. Ходячий труп, если верить половине фильмов про ее вид, — а она сама тянется к своему природному врагу, как кошка к медведю. Только стоящий напротив ее мужчина не был медведем. И не был даже оборотнем, а еще, в том, что действительно важно, совсем не был ее врагом. Чёрт возьми, она была не прочь сейчас вообще обнять его за талию и прижавшись погреться об него, вот только он узнает об этом последним. Ни-ко-гда! Вслух же она сказала совсем другое.

— Дункан! Я вообще-то вампир, а не ведьма и уж точно не ангел! — фыркнула она, засовывая замёрзшие руки в карманы. — И, к твоему сведению, даже ведьмы больше не летают на мётлах. Сомневаюсь, что в принципе когда-либо летали. Скорее всего, эту чушь придумали ваши инквизиторские недоумки — те, у кого секс случается раз в эпоху и только по протоколу. А что до таксиста…

Лицо её перекосила брезгливая гримаса.

— Терпеть не могу, когда они раздевают меня глазами, прикидывая, как бы уложить прямо в этом такси и отыметь, вместо того чтобы следить за дорогой. Мачо, как же. Недоделанный, и с убогой фантазией в придачу! — Ника кивнула в сторону, куда уехала машина. — Самое смешное: с виду образцовый семьянин — обручальное кольцо, фото детей на панели, даже брелок «Моя семья — мой мир!». А в голове — свалка. Обсчитывает пассажиров, накручивает пробки, которых не было… и думает вот такое о клиентах. Я бы ещё поняла, будь он просто похотливым красавчиком, который хотя бы знает, что делает. Но нет! Это подобие человеко искренне считает, что имеет полное право как на такие взгляды, так и мысли. Единственная причина, по которой я его не прикончила сразу, — он ни разу не полез к пьяной пассажирке, что порой садились в его машину. Иногда лапал, иногда прикарманивал «забытые» сумки или кошельки, но черту не переходил. Вот и вся его добродетель: «Я не насильник, я просто жулик и извращенец». Прелестный человече!

Она вздохнула, снова передёрнувшись от свежего порыва ветра.

— Так что пришлось слегка надавить на его волю — просто чтобы вернуть мозг из штанов обратно в череп, где ему и положено находиться. А потом стёрла все воспоминания обо мне и подменила себя двумя старыми перцами, которые всю дорогу яростно целовались на заднем сиденье и звали его присоединиться! Пусть теперь копит на психотерапевта.

Дункан потряс головой, явно пытаясь изгнать эту картину, и, судя по лицу, безуспешно. Насладившись его страданиями, Ника драматично вздохнула посмотрев на свои ногти.

— А теперь что касается моего любимого байка… — начала она и тут же обвиняюще ткнула пальцем с ярко-алым ногтем ему в широкую грудь. — Один рыжебородый гад метр девяносто шесть, сложенный как медведь, уже две недели обещает заехать и послушать, что там стучит в двигателе. Но нет! Стоит мне только напомнить об этом — этот некто растворяется в тумане, как девичьи иллюзии о прынце. Тем самым испытывая мою жажду крови и нервы. Я уже подумываю схватить его за бороду, притащить к себе в гараж и поставить рядом с байком как живую статую. Или вообще располосовать тому горло. Пусть его кровь хоть раз послужит топливом. Причем я почти уверена: если залить её в бак вместо бензина, мотоцикл заведётся — уж чего-чего, а алкоголя в крови этого человека явно больше, чем позволено законом и здравым смыслом. А если стук при этом байк заведется, а стук чудесным образом прекратится — жертва будет не напрасной. Почти как тюнинг: только вместо новой прокладки — вскрытая артерия.

— Ох, так это приглашение на свидание, миледи? — Дункан театрально прижал ладонь к груди, голос сочился пафосом, как дырявый кран.

— Дункан! — рявкнула Ника, подпрыгивая на месте, в тщетной попытке достать до затылка этого рыжего вредителя. Но тот легко увернулся, расхозотавшись так, будто в гараже завели целый табун «Харлеев». Ника упёрла руки в бок, сердито сверля собедника взглядом. — Мы это уже проходили! Минимум трижды. Или ты предлагаешь разыграть сцену из того фильма? Того самого, над которым ваш отдел — тот, что так плохо маскируется под серьезную организацию — гоготал, как табун меринов на выпасе?

Она напустила на себя невинно-плутовской вид и выдохнула полушёпотом, как дешёвая актриса из фильмов категории «Б»:

— «О, привет, я кровосос… встретим рассвет, сцепившись когтями?»

Поведение Дункана мгновенно изменилось. Он наклонился, нависая над ней, что с его ростом это получалось легко вызвав у девушки тоскливую мысль "все надо мной нависают, бесит, чёрт возьми", и м ленивой хрипотцой выдал следующую реплику из фильма, копируя экранное выражение до последней детали:

— …Вообще-то звучит довольно романтично.

Видя как скривилось ее лицо, он лихо подмигнул. Так быстро, что моргни — и пропустишь. В этом подмигивании было всё: насмешка, вызов и молчаливое «я знаю, что ты злишься, но нам обоим это нравится».

Ника всё-таки улыбнулась. Она даже не заметила, как уголки губ сами полезли вверх. Она никогда не умела долго злиться, глядя на это насмешливо-добродушное лицо. Максимум, на что её хватало, — отвесить подзатыльник. И то не всегда: разница в росте не позволяла делать это когда вздумается. А таскать с собой стремянку только ради того, чтобы до него дотянуться… Она и так была постоянной мишенью для шуток в "Клыке", а самой давать свежий материал как-то не очень-то и хотелось.

— Ладно, ладно, — пробормотала она, смягчая голос, хотя совсем не хотела, чтобы он это заметил. — Ты победил. Но только потому, что я превращаюсь в сосульку, а не потому, что твои шутки смешные.

Дункан самодовольно хмыкнул, и мысль о стремянке снова поселилась у неё в голове. Она тряхнула головой, отгоняя её, надевая обратно маску усталого сарказма.

Но сквозь маску невольно всплыли совсем другие воспоминания — из тех времён, когда она ещё была той, кем была до того, как стала тем, кем стала сейчас. Человеком. И то неожиданное приглашение в кино на какой-то популярный в тот год фильм. Как они встретились и посидели в кафе перед сеансом, как смотрели сам фильм — или, скорее, болтали, не обращая внимания ни на картину, ни на людей, которые шикали на них, — и как к концу вечера оба поняли, что ничего, кроме крепкой дружбы, им не светит. Остаток того вечера и ночи они бродили по улицам, болтали о всякой ерунде, смеялись над уличными музыкантами, которые играли так, будто за ними кто-то гнался. В тот вечер между ними не было напряжения — только лёгкость, которую она потом долго пыталась вспомнить, когда всё полетело к чертям.

А следом пришли воспоминания, которое Ника предпочитала не вспоминать. Очередной концерт, хаотичная пьяная драка, вспыхнувшая прямо перед сценой, и кто-то случайно втянул её в самую гущу. Она даже не помнила, как выбралась. Ушла с двумя длинными порезами на руке и тогда не придала им значения. Царапины — они и есть царапины.

Тогда она ещё носила кроссовки с неоновыми шнурками и считала, что «круто» — это не про кожаные куртки и цепи, а про умение не терять ключи в темноте. Теперь та версия себя казалась чужой — как старая фотография, на которой узнаёшь лицо, но не чувствуешь человека.

Следом пришло то, что она сначала приняла за обычный грипп — то жар, то озноб, — а оказалось превращением в вампира. И голод. Ненасытный, сводящий с ума голод, который

гниёт рассудок изнутри. Окутанная почти полной потерей памяти, она вывалилась в тёмную ночь, гонимая отчаянным желанием утолить эту жажду на каком-нибудь случайном пьянице или бездомном.

Именно в таком состоянии её нашёл Рэднас — старый энергетический вампир, впоследствии ставший её наставником. Он усмирил её, помог пережить тот первый голод и притащил её без сознания прямиком сюда, в «Железный Клык». Где практически ультимативно потребовал у Сола — главы шотландского отделения Инквизиции — позволить ему поднять её на следующий уровень вампиризма: превратить из обычного кровососа в энергетического вампира. Ведь без должного контроля она уже начинала терять человечность, скатываясь к ревенанту или даже упырю, и только второй ритуал трансформации мог оттащить её от края, вернув сознание.

Быть энергетическим вампиром — это не только пить кровь. Это значит чувствовать чужие эмоции как топливо: чужой страх жжёт язык, как крепкий спирт. Чужая радость оставляет сладковатое послевкусие, которое сразу хочется смыть чем-то горьким. Именно поэтому ритуал был таким жестоким: они не просто изменили её тело — они приручили её голод и научили его видеть границы.

Потом был сам ритуал. Пять бесконечных дней агонии, пока Рэднас и трое инквизиторов — Сол, Дункан и Каманч — с помощью крови, зелий и хирургической точности скальпеля делали её полностью той, кем она была сегодня. Из всего ритуала Ника ясно помнила только несколько вещей. Боль. Голод. Собственные крики. И голос Дункана — спокойный, насмешливо-нежный, будто взрослый уговаривает ребёнка не совать пальцы в розетку. Он вытирал ей лицо мокрой тряпкой, ловко уворачиваясь от клыков, которые щёлкали в поисках его ладони, и нёс какую-то чушь: нельзя так, милая, нельзя, ну же, угомонись, девчонка. В тот момент ей было совершенно всё равно, кто он и что он. Она просто цеплялась за этот голос, как утопающая за брошенную верёвку.

Она тряхнула головой, стряхивая воспоминания и заставляя себя вернуться к привычному иронично-насмешливому тону.

— Это древняя история, Дунни. Но если ты думаешь, что я с тех пор хоть немного подобрела к брутальным мужикам в коже и цепях, от которых несёт ладаном, которые предпочитают сорокаградусный виски освящённому кагору и уверены, что правильное благословение — это когда сначала хорошенько вмазать благословляемому крестом по печени и почкам, — ты глубоко ошибаешься! — Она скрестила руки, снова передёрнувшись от холода. — И вообще, ты собираешься впустить меня в логово этих самых инквизиторов на полставки или как? Я чертовски замерзаю! Дун-ка-а-ан!

Дункан буквально сложился пополам от хохота, схватившись за живот. Его смех был таким, что даже уличные фонари, казалось, мигали в такт. Тем не менее он кивнул в сторону входа и даже распахнул перед ней тяжёлую дверь, прекрасно зная, что она вполне может случайно сорвать её с петель. Как уже однажды случилось в самом начале обращения, когда она неправильно рассчитала силу, и потом дверь чинили за ее, Никин, счёт.

Ника проскользнула мимо наигранно утирающего несуществующие слезы Дункана и ступила на первую ступеньку, когда его голос догнал её со спины:

— Но это же работает, Ни! Так зачем менять то, что и так отлично справляется?

Девушка только фыркнула, покачав головой и шагнув внутрь.

Грозная Инквизиция. Суровые мужчины, охраняющие нормальный мир от потустороннего, и следящие, чтобы они никогда не встречались. Отвязные байкеры. Да, конечно. В конце концов, они всего лишь мальчишки. И неважно, сколько им лет — четырнадцать, когда их обычно принимают на первую ступень, или триста с лишним, как тому Верховному Инквизитору, которого она никогда не встречала лично. И который, если верить рассказам ее друзей-инквизиторов, до сих пор не потерял ни вкуса к жизни, ни диким выходкам. Даже в столь

почтенном возрасте, любящего повторять: «Я за любой кипиш, окромя голодовки!» Ника улыбнулась про себя. Да уж. Никакое количество святости или виски их не исправит.

Основная часть бара лежала глубоко в подвале старого здания — примерно на уровне городских канализаций. Но для тех, кто точно знал, чьё это место, — и для самих хозяев — подземный смрад был последней вещью, о которой они думали. К тому же его в любом случае не было: толстые стены и хитрые вентиляционные шахты, спрятанные за фальшивым кирпичом, не пропускали ни капли сырости и ни грамма запаха из-под города. Здесь пахло иначе — железом, кожей, виски и чем-то ещё, почти неуловимым, но очень важным: запахом безопасного места.Для тех, кто жил между мирами, «Железный Клык» был убежищем. Не имело значения, оборотень ты, вампир, маг или чернокнижник: «Инкам» было плевать на твои клыки или заклинания — главное, держи руки, когти клыки или заклинания при себе. И веди себя прилично.Ника почти слетела вниз по винтовой каменной лестнице, перепрыгивая ступени, словно маленькая девочка, твёрдо намеренная сломать себе шею. Она резко остановилась на самой последней ступеньке — в голове вдруг вспыхнул нелепый заголовок для выпуска местной газеты "Потусторонний мир!": «Вампир поскользнулся и сломал шею, спускаясь в логово инквизиторов!» Она даже могла представить лица парней и почти слышала их громовой, задыхающийся хохот, если бы такая история когда-нибудь вышла.Поморщившись от одной мысли о таком возможном позоре, Ника замерла у входа и окинула взглядом зал.После холода снаружи тепло подвала обняло её, как толстое одеяло: пальцы, сжатые в кулаки в карманах, начали оттаивать, неприятно покалывая, будто по ним пустили ток. Свет здесь был низким и янтарным — тусклые лампы под закопчёнными абажурами выхватывали из полумрака столы, лица и блеск бутылок за барной стойкой, а углы тонули в тени. Под грохот колонок слышался звон бокалов и низкий гул голосов.«Они никогда, чёрт возьми, не меняются», — подумала она с ласковым, слегка раздражённым вздохом. И всё же именно эта неизменность её согревала: здесь эмоции были простыми, понятными, почти домашними — и потому особенно вкусными для энергетического вампира. Чужое возбуждение, чужой смех, даже чужой стыд — всё это оседало на языке лёгкой искрой, напоминая, что она не одна.За барной стойкой стоял Фокс, лениво полируя уже и без того идеально чистый стакан. Он был ещё одной настоящей горой — почти два метра, даже выше Дункана — и выглядел медлительным, неуклюжим увальнем.Но Ника знала, что эта медлительность — обманка. Он двигался так, будто время принадлежит ему, а не наоборот. А когда было нужно, успевал всё сразу: поймать падающий стакан, перехватить руку дебошира и кивнуть знакомому у двери — и при этом ни на йоту не менял скучающего выражения лица.Ага, неуклюжий. Ника слишком хорошо помнила, как этот самый «неуклюжий» гигант с тем же выражением космической скуки на лице швырял её через весь тренировочный зал, словно тряпичную куклу, во время первых уроков. И делал это, не сходя с места — ботинки так и не покинули один и тот же клочок пола.В нескольких шагах от стойки небольшая стая оборотней заняла стол. Напротив них сидел Найт Тир — сухопарый, остроглазый инквизитор. Отношения Ники с Тиром всегда были, мягко говоря, натянутыми, но он всё равно терпел её появление здесь в любое время суток, позволяя ей относиться к этому месту как к собственной гостиной.Она знала все их настоящие имена, конечно. Но как-то так вышло, что здесь почти никто не пользовался именами — за редким исключением, вроде того же Дункана. Даже её полное имя, Вероника, знали едва ли десяток самых близких людей и нелюдей.И хотя его прозвище звучало так, будто должно намекать на звериную кровь, Тир тоже был стопроцентным человеком. Если, конечно, понятие «стопроцентный человек» вообще применимо к инквизиторам: в его случае это означало — ни меха, ни клыков, ни звериного носа, только стальной самоконтроль, безупречные рефлексы и привычка просчитывать каждый ход на три шага вперёд. Оборотни входили в штат инквизиции, в отличии от тех же вампиров, но в самом Глазго таковых не было.Перед Найтом стояла почти пустая литровая бутылка «William Lawsons», а рядом с ней — три полностью опустошённых. Ника прищурилась, мгновенно сло-

жив пазл.Классика. Кто-то дал волю гордости и бросил перчатку в древнейшем состязании мира: «кто кого перепьёт».Оборотень на дальнем конце стола уже явно проиграл — и сейчас крепко спал, привалившись к каменной стене. Двое оставшихся ещё держались, хотя в основном держась друг за друга. Тир, настоящий зверь в плане самообладания, спокойно наливал им и себе по еще одной стопке твёрдой рукой. Он даже не смотрел — лил, будто с завязанными глазами, и всё равно ни капли мимо.От двоих, что ещё держались, катились волны упрямства — густые и терпкие, как перестоявший чай, — и тёплого, пьяного братства, которое оба наутро будут напрочь отрицать. Ника втягивала это, как запах из чужой кухни, и не могла сдержать улыбку.Она поймала несколько косых взглядов — один из оборотней пробежался по ней глазами, другой почти незаметно приподнял бровь. Но в этих взглядах не было ни злобы, ни раздражения: скорее привычное, почти будничное внимание — мол, «опять она здесь» — без враждебности, без восторга, просто факт.Внезапно, прорезав рёв тяжёлого метала, грохочущего из колонок, по залу разнёсся чистый, неподключённый звук акустической гитары. И высокий, чистый голос подхватил знакомую мелодию с лукавой переделкой:— Заплатите вампиру чеканной монетой! Чеканной монетой! О-оу-о-оу!Ника ухмыльнулась. Современная классика, перепетая специально для неё. Конечно, Каманч не пропустил её торжественного появления и уж точно не собирался оставлять это без представления.Он развалился на деревянных ступеньках маленькой сцены, где в одиночестве стояла барабанная установка. Иногда Ника и сама пела на этой сцене, когда её уговаривали. Но обычно эта территория строго принадлежала Каманчу. И, как всегда, он буквально прирос к этим чёртовым ступенькам.Он приветственно махнул ей бутылкой пива. Она кивнула в ответ, но сначала направилась прямиком к стойке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.